

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ИСТЕРИКА ПАНА ПОМЯНОВСКОГО

В 2008 году журнал “Российская Федерация сегодня” (№ 9) опубликовал статью своего сотрудника В. Щепоткина под названием “Польский рупор и российская немота”, в которой автор, задумавшись над тем, что знаменитые в недавнем прошлом журналы России (“Новый мир”, “Знамя”, “Наш современник”, “Дружба народов”, “Октябрь”) исчезают из российских библиотек, поскольку государство наше выделяет на библиотечную подписку жалкие копейки, выяснил, что журнал “Новая Польша”, издающийся в другом государстве, ежемесячно и бесплатно поступает в наши библиотеки. Об этом с гордостью сообщал в своё время главный редактор “Новой Польши” Ежи Помяновский: **“Журнал выходит уже пять лет, выпущено 60 номеров (в том числе два спецвыпуска: один по-украински и два по-грузински), распространяется вплоть до Сахалина и есть в любой районной библиотеке всей Российской Федерации”** (“НП”, № 2, 2004).

Обозреватель “Российской Федерации” В. Щепоткин, памятуя, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, изучил публикации “Новой Польши” и пришёл к выводу, что русофобская линия журнала очевидна и что не случайно в преддверии двух “цветных революций” на постсоветском пространстве “Новая Польша” была издана именно для грузинских и украинских оранжевых и розовых “революционеров”. Статья “Польский рупор и российская немота” заканчивалась обращением в Федеральную службу по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и культурного наследия (“Россвязьохранкультура”) с предложением прекратить распространение “Новой Польши” по библиотекам России **“за разжигание межнациональной розни, за оскорбление официальных лиц государства, за клевету на целый народ”**.

Статья Щепоткина была перепечатана в “Нашем современнике” (№ 7, 2008), и это переполнило чашу шляхетского терпения. В октябрьском номере “Новой Польши” (2008 г.) появился целый блок материалов (главного редактора “Новой Польши”, его заместителя, нескольких постоянных авторов и читателей), полных негодования. Однако сотрудники и поклонники “Новой Польши” не опровергли ни одного факта, ни одного аргумента, не посмели оспорить ни одной из русофобских цитат, взятых нами из “Новой Польши” и безо всяких искажений обнародованных в наших журналах. Истерика, проклятья, вопли и прочий “шляхетский гвалт” – вот всё, что они смогли противопоставить нашему анализу их текстов.

“Мне стыдно за озлоблённо несправедливое, недопустимо грубое по форме обвинение журнала в русофобии”, – причитает постоянная авторша “Новой Польши” Н. Подольская.

Некто А. Ермонский пишет в письме, что главный редактор “Новой Польши” не раз **“решительно отмежёвывался от беспочвенных и бесстыдных обвинений в культивировании русофобии”**.

Но главный редактор “Новой Польши” если когда и “отмежёвывался”, то лишь посредством истерической и беспомощной брани: **“Клеветнические измышления распространяет (прибегая к явным манипуляциям) главный редактор “Нашего современника” Станислав Куняев”; он “рьяно участвует в разжигании ненависти к Польше”, “патологическая мономания”; “неспособность к честной дискуссии противника реформ”; “клеветническое пустословие”, “почитатель сталинского опыта”** – все эти экзальтированные причитания не могут считаться аргументами в нашем споре. Все они есть свидетельства полной исторической, журналистской и мировоззренческой импотенции Помяновского и его компании. Одновременно с бессодержательными проклятиями В. Щепоткину и С. Куняеву многостраничный полемический блок материалов из “Новой Польши”, озаглавленный “Кто не хочет диалога”, переполнен комплиментами в адрес польского издания. Ясновельможный пан Лазарь Флейшман (он же профессор русской литературы Стенфордского университета из Калифорнии), желая поддерживать своего коллегу и тоже высокогородного шляхтича Ежи Помяновского, напечатал в “Новой Польше” целую оду в честь журнала, возглавляемого его соплеменником:

“Меня не перестаёт восхищать исключительно высокий уровень ведения журнала”; “в “Новой Польше” очевидна врождённая органическая любовь к России”; “Среди современных печатных изданий, выходящих в мире на русском языке <...> “Новая Польша” журнал безусловно лучший”...

Как под копирку ему вторит Алексей Памятных, **“астроном, доктор физ.-мат. наук из Варшавы и Подмосковья”** – так подписано его письмо:

“Новая Польша” реально работает на взаимопонимание поляков и русских”... С ним согласен А. Ермонский: **“Новая Польша” стремится говорить правду своим русским читателям – и о поляках, и о русских, и о нашей общей истории”**. Он же возмущается тем, что **“по утверждению господина Щепоткина, “Новая Польша” якобы занимается разжиганием межнациональной розни, “поливом” России, её народов, её властей”**.

Конечно, устами этих соловьёв только бы мёд пить, но я напомним им несколько текстов, публиковавшихся в “Новой Польше”, которые, будучи взятыми из других изданий, образуют особую избранную русофобскую антологию, издаваемую “Новой Польшей”.

“Пришло время Казани, присоединённой 450 лет назад, отделиться, как отделился в 1991 году Киев, присоединённый за 350 лет до этого” (“НП”, № 3, 2005).

Что это, господин Ермонский, как не призыв к расчленению России, как не **“разжигание межнациональной розни”** между русскими и татарами? Щепоткин цитировал эту глумливую фразу в своей статье, но ни один из защитников “Новой Польши” не набрался смелости признать её провокаторский характер. Чует кошка, чьё мясо съела. Но если Вас и госпожу Подольскую этот мерзкий текст не убеждает и вам по-прежнему **“стыдно за озлобленно несправедливые”** обвинения “Новой Польши” **“в русофобии”**, то я приведу Вам другой пример, свидетельствующий о том, как Ежи Помяновский со своими товарищами стараются “улучшить” отношения русских с украинцами. Цитирую из статьи Ежи Ястжембовского (“НП”, № 5, 2002):

“Ян рассказывает, как плакали солдаты 38 армии генерала Москаленко, говоря, что их батька Сталин на смерть посылает, потому как ни один украинец права не имеет войну пережить, а они с Украинского фронта. Офицеры НКВД гнали 18-летних юнцов в пилотках на немецкие пулемётные гнёзда, надеясь, что у немцев когда-нибудь патроны кончатся”.

Это как понимать? Может быть, так, что сталинские энкавэдэшники выискивали в отделениях, взводах, ротах только украинцев, чтобы специально бросить несчастных на немецкие пулемёты? Как Вы думаете, госпожа Подольская, если нынешние украинские хлопцы прочитают в Вашем журнале эту душераздирающую “клюкву” и поверят ей, то наши отношения с Украиной улучшатся? Вы верите, что в такого рода текстах “Новой Польши” **“очевидна врождённая органическая любовь к России”** (из письма Флейшмана)? Или Вы действительно убеждены, что энкавэдэшники гнали именно солдат **“укра-**

инской национальности на немецкие пулемётные гнёзда”, чтобы “ни один украинец не пережил войну”? А Вы не удивляетесь тому, что авторы “безусловно лучшего печатного издания среди выходящих в мире на русском языке” (Л. Флейшман), видимо, считают, что на всех украинских фронтах, а их было три, воевали только украинцы, и значит, на белорусских фронтах воевали белорусы, а русские же по этой польской логике вообще не воевали, поскольку ни одного фронта с названием “русский” в Отечественной войне не было... Не кажется Вам, господин Помяновский, что от ненависти к Сталину Ваш исторический профессор-соратник впадает в полное слабоумие?

Вы, Алексей Памятных, возмущаетесь тем, что господин Щепоткин обвиняет “Новую Польшу” не только в “разжигании межнациональной розни”, но и в том, что она якобы “занимается “поливом” России, её народов, её властей”...

Но поглядите, какую цитату выбрала “Новая Польша” для своей русофобской антологии — из сочинения профессора Ярослава Рымкевича: ***“Иногда мне кажется, что народ, причинивший своим соседям и всему человечеству столько зла, угнетавший и истреблявший литовцев, татар, поляков, чеченцев — да, собственно, все соседние народы, — вообще не имеет права существовать. И что факта его существования не оправдывают, а его ужасных вин не могут искупить даже те великие и прекрасные творения, которые он дал миру: творения Пушкина, Тютчева, Рахманинова, Мандельштама, Прокофьева, Шостаковича (...)*”**

И это сказано не о властях, не о режимах, не об элитах, а именно о народе. После этого зачем читать дежурные и лицемерные похвалы Пушкину, Тютчеву, Мандельштаму?... Видимо, пан Рымкевич не знает знаменитых стихов Пушкина “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”, основные мысли которых повторены и развиты в стихотворении о Польше Тютчева “Как дочь родную на закланье”... Не знает он и стихотворение Осипа Мандельштама “POLACI”, написанное в 1914 году и продолжающее пушкинскую и тютчевскую традицию, стихотворение, в котором Польша названа “славянской кометой”, рассыпавшейся “чужим огнём”, “сообщницей чужого света”... Именно в этих стихах Пушкина, Тютчева и Мандельштама, как это ни было бы обидно для профессора Рымкевича, живёт поэтическая правда, органически слившаяся с судьбой русского народа. И не надо отрывать творчество великих поэтов от жизни народа, от истории великой страны. В конечном счёте они образуют одно духовное целое, к огорчению польских историков.

В этом же отрывке Рымкевич думает о русских якобы с “любовью” и “болью”, вспоминая, ***“что это народ многострадальный, втянутый в шестерни истории и нечеловечески истерзанный ими”***... Пусть он вспомнит, что зубьями этой шестерни были не только наши собственные революции и коллективизации, но походы разбойничьей католической Польши на православную Россию в XVI и XVII веках, поход лучшей в Европе шведской армии Карла XII на молодую империю Петра I, нашествие на Россию наполеоновской антанты с участием 100-тысячной армии Понятовского. А потом была Севастопольская страда, в которой русский народ отбивался опять же от сил объединённой Европы... А вы не забыли 1920 год — поход Речи Посполитой, только что получившей независимость из рук Советской России и в благодарность за это оккупировавшей и Минск и Киев и этим спровоцировавшей наш ответный поход на Варшаву? А уж о коричневом нашествии 1941 года — тоже всеевропейском — мы никогда не забудем.

В своей книге “Шляхта и мы” я уже изображал картину нашего многовекового противостояния и с Польшей, и с Западом, за что слышал в ответ от авторов “Новой Польши” одни и те же аргументы: “сталинист”, “антисемит”, “шовинист”, но я ведь не одинок в такого рода трактовке российско-польских отношений. Есть у шляхты культовая фигура писателя, перед которым они преклоняются, которого почитают, почти все сочинения которого переведены на польский язык, в том числе и Ежи Помяновским. Недавней кончине этого классика XX века был посвящён чуть ли не целый номер “Новой Польши”. Речь идёт об Александре Солженицыне. ***“То, что он сделал — это эпохально”***, — восклицает на страницах своего журнала Помяновский. А его заместитель Минцер обращается к автору “Архипелага” как к высшему авторитету в споре с идеологией “Нашего современника”:

“Я хотел бы процитировать мнение Александра Исаевича Солженицына на тему “совместного польско-российского продвижения к правде” (“НП”, № 10, 2008).

Я тоже хотел бы процитировать некоторые суждения любимца шляхетской “образованщины” о “польско-русском продвижении к правде” из статьи классика “Раскаяние и самоограничение”, написанной на Западе в 1973 году. К сожалению, я не был знаком с этой работой Солженицына, когда писал свою книгу “Шляхта и мы”, в которой почти все мои основные мысли “сталиниста” так или иначе удивительным образом совпали с выводами антисоветчика Солженицына о “споре славян между собою”. Итак, цитирую историка Солженицына:

“...Подобно тому, как одни люди легче раскрываются раскаянию, а другие сопротивительно и даже вовсе ни на щёлочку, – так, мне кажется, и нации есть, более и менее склонные к раскаянию.

В предыдущие века расцветная, сильная, самоуверенная Польша не короче по времени и не слабее завоёвывала и угнетала нас. XIV–XVI века – Галицкую Русь, Подолию. В 1569 по Люблинской унии присоединение Подлясья, Волыни, Украины. В XVI – поход на Русь Стефана Батория, осада Пскова, разбойство в Средней Руси – до Углича и дальше, сколько разорено церковью, монастырей, уничтожено икон. В начале XVII – войны Сигизмунда III, два самозванца на русский престол, захват Смоленска, временный захват Москвы; поход Владислава IV. В тот миг поляки едва не лишили нас национальной независимости, глубина той опасности была для нас не слабей татарского нашествия, ибо поляки посягали и на православие. И у себя внутри систематически подавляли его, вгоняли в унию. В середине XVII – подавление Богдана Хмельницкого, и даже в середине XVIII – подавление крестьянского восстания под Уманью.

И что ж, прокатилась ли волна сожаления в польском образованном обществе, волна раскаяния в польской литературе? Никогда никакой. Даже ариане, настроенные против всяких войн вообще, ничего особо не высказали о покорении Украины и Белоруссии. В наше Смутное Время восточная экспансия Польши воспринималась польским обществом как нормальная и даже похвальная политика. Поляки представлялись сами себе – избранным божьим народом, бастионом христианства, с задачей распространить подлинное христианство на “полуязычников”-православных, на дикую Московию, и быть носителями университетской ренессансной культуры. И когда во 2-й половине XVIII века Польша испытывала упадок, затем и после разделов её, публично высказывались о прошлом размышления, сожаления, они носили характер государственно-политический, но никак не этический”.

А сколько я натерпелся оскорблений и высокомерных язвительных характеристик от польских историков, когда пытался доказать им, что в 1939 году по пресловутому “пакту Молотова–Риббентропа” мы не захватили ни одной пяди исконной польской земли, а вернули себе лишь те украинские и белорусские земли, которые поляки в 1920 году отхватили у обессиленной от Гражданской войны России. Нынешние историки “Новой Польши” с демагогическим иезуитством замазывают суть и причины польско-советской войны 1919–20 годов.

“Разгорается война 1919–1920 года с большевицкой Россией, грозящей возрождённой Польше и советизацией и новым разделом” – это версия историка А. Новака (“НП”, 2002, № 12).

А Ежи Помяновский смотрит на события 1920 года – как гуманист европейского масштаба: *“Каждый волен так или иначе оценивать киевский поход Юзефа Пилсудского. На мой взгляд, это была попытка вернуть Европу в истерзанные края”* (“НП”, № 5, 2005).

Как это ни жестоко, но придётся мне познакомить этих якобы историков с оценкой тех же событий, изложенной их антисоветским кумиром Солженицыным:

“Больше столетия испытал горечь разделённого состояния, вот Польша получает по Версальскому миру независимость и немалую территорию (опять за счёт Украины и Белоруссии). Каковы ж первые внешние действия её? Пилсудский <...> ловит момент создать “Великую Польшу от моря до моря”. Но для этого он не только не выступает против большевиков, а выжидает ослабления России от Гражданской войны. Осенью 1919, в момент наибольших успехов Деникина, Пилсудский ведёт тайные переговоры с большевиками через Мархлевского, гарантирует им своё

невмешательство и тем разрешает снять крупные красные силы с белорусского направления на битву под Орлом. Весной 1920, когда Деникин разбит и ждаты не остаётся, – Польша энергично нападает на Советскую Россию, берёт Киев, с целью затем выйти к Чёрному морю. У нас в школах учат (чтобы было страшней), что это был “Третий поход Антанты” и что Польша координировалась с белыми генералами, дабы восстановить царизм. Вздор, это было самостоятельное действие Польши, переждавшей разгром всех главных белых сил, чтобы не быть с ними в невольном (и обзывающем) союзе, а самостоятельно грабить и кромсать Россию в её наиболее истерзанный момент. Эта цель Польше не вполне удалась. В августе 1920, при начавшемся крупном наступлении Врангеля, Польша, напротив, вступает в мирные переговоры с большевиками (и берёт с Советов контрибуции). Следующее внешнее действие её, 1921 года: беззаконное отобрание Вильнюса со всю область от слабой Литвы. И никакая Лига Наций, никакие призывы и усовещания не подействовали: так и продержала Польша захваченный кусок до самых дней своего падения. Кто помнит её национальное раскаяние в связи с этим? На украинских и белорусских землях, захваченных по договору 1921 года, велась неуклонная полонизация, по-польски звучали даже православные церковные проповеди и преподавание закона Божьего. И в пресловутом 1937 году (!) в Польше рушили православные церкви (более ста, среди них – и Варшавский собор), арестовывали священников и прихожан.

И как же над этим всем подняться нам, если не взаимным раскаянием?..”

Хочу утешить польских историков тем, что Солженицын поддерживал польскую версию о Катынском расстреле. Но одновременно он побуждал шляхту покаяться перед Россией за все волны колониальной агрессии, которые накатывались на Россию со стороны Польши, за борьбу шляхты с православием, за угнетение украинцев и белорусов, за безумную попытку построить в 1920 г. Речь Посполиту “от моря до моря”, увенчавшуюся истреблением нескольких десятков тысяч русских военнопленных в концлагерях Польши. . .

Ни в одном из европейских языков нет понятия “войны” как “нашествия”. Только в русском. Сколько в этих европейских “шестернях” погибло десятков миллионов русских мужиков, одетых в военную форму, сколько было стёрто с лица земли миллионов мирного населения – один Бог знает. . .

Вот о чём надо подумать профессорам-историкам “Новой Польши”, когда они лютуют крокодиловы слёзы над “шестернями” истории (изготовленными на заводах всей Европы) по поводу страданий русского народа. оплакивайте лучше неудачные попытки своих предков и европейских союзников, не сумевших сделать Россию колонией Европы. По крайней мере, такие слёзы будут честными. И не рассуждайте о русской истории с расистским высокомерием ещё одного “новопольского” профессора истории Януша Тазбира:

“Русские считались варварами, отрицалось даже, что православные – это христиане, <...> на русских смотрели очень даже “сверху вниз” и относились к ним с пренебрежением” (“НП”, № 12, 2008).

Разве это не истоки русофобии, о которых с таким научным удовлетворением размышляет пан профессор? Чтоб убедить читателя в своей русофобской правоте, он вытаскивает из глубин памяти отвратительные исторические анекдоты и с садистским наслаждением излагает их:

“Если в России (вплоть до времён Екатерины II) происходила публичная казнь, то палач мог в любую минуту подобрать себе помощника из толпы, собравшейся поглядеть, и тот не мог отказаться. <...> однажды кто-то хотел отказаться, и Иван Грозный заметил это. Тогда он повелел, чтобы человек, не желавший участвовать в казни, отрезал у приговорённого гениталии и сам их съел” (“НП”, № 12, 2008.).

Вы скажете, что эти глумливые выдумки о России, как о варварской стране, относятся к XVIII веку, и ошибётесь, поскольку отношение шляхты к нам и сегодня остаётся “средневековым”. Когда в 2007 году в польской прессе обсуждался проект строительства Северного газопровода, журналистская шляхта в хвост и в гриву честила президента Путина, который **“как Пётр I старается присоединить дику страну к Европе”** (“НП”, № 5, 2007).

Во время своего президентства Путин вообще был едва ли не главной мишенью шляхетской ненависти и глумления: **“Строить северный газопровод,**

соединяющий Россию с Германией в обход Польши, – аналогично пакту “Риббентропа–Молотова” (“НП”, № 5, 2007). Так что не только с Петром I сравнивали польские СМИ Путина, но и с Гитлером. Правда, от избытка ярости шляхетские журналисты теряли способность мыслить логично: они обвиняли Россию Молотова в том, что она по сговору с Германией расчленила Польшу и вошла в неё, а сейчас Польшу пальцем не трогаем, обходим по дну Балтийского моря, и всё равно шляхтичам кажется, что их захватывают, как в 1939 году! Это уже комплексы.

И ещё примеры о путинской эпохе из “Новой Польши”, как говорится, “навскидку”:

“Три раза звучит в субботу гимн Чечни перед Российским посольством. Над Замковой площадью колыхается транспарант: “Сталин и Путин не убьют свободный дух чеченского народа”.

“Путину без особого труда удалось приравнять борьбу чеченцев за независимость к международному терроризму”.

“На Путине лежит ответственность за смерть тысяч людей и действия российских войск в Чечне”; “Человек, по чьему приказу Российская армия истребила сто, а может, и двести тысяч чеченцев”... Это всё из русофобской помойки, формируемой коллективом “Новой Польши”, работающей якобы “на взаимопонимание поляков и русских”.

А что, пан Помяновский не помнит, как во время чеченской войны российский спецназ освобождал из чеченского плена польских журналисток? Как несколько несчастных из международного Красного Креста были обезглавлены басаевскими головорезами, а их головы с искажёнными лицами, найденные в снегу и показанные по телеканалам всего мира, привели в ужас толерантную Европу? Что в руководстве чеченских мятежников властвовали “псы войны” – рыцари Аль-Каиды и полевые командиры из Афганистана и арабского Ближнего Востока? Не с ними ли сейчас ведут борьбу в горах Афганистана и песках Ирака польские жолнеры из НАТО, гробы с телами которых регулярно доставляются на кладбища Польши? Но коли “Новая Польша” так ратовала за “независимость Чечни”, почему бы ей не поддерживать талибов Афганистана и шиитов Ирака, отстаивающих независимость своих стран? Двадцать восьмого сентября 2005 года одна из крупнейших польских газет “Ржечпосполита” опубликовала статью историка П. Вечоркевича, в котором был такой исторический экскурс:

“Мы не хотели оказаться в союзе с Третьим Рейхом, а приземлились в союзе с, в равной степени, преступным Советским Союзом. А что ещё хуже, под его абсолютным доминированием. Гитлер же никогда не относился к своим союзникам так, как Сталин к странам, завоёванным после Второй мировой войны. Он уважал их суверенитет и правосубъектность, накладывая лишь определённое ограничение во внешней политике. Наша зависимость от Германии, следовательно, была бы значительно меньшей, чем та зависимость от СССР, в которую мы попали после войны.

Мы могли бы найти место на стороне Рейха почти такое же, как Италия, и, наверняка, лучшее, нежели Венгрия или Румыния. В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск”.

Эта шизофреническая откровенность профессора была замечена не только в ненавистном для “Новой Польши” “Нашем современнике”, но и в либеральнейшем и любимом шляхтичами “Новом мире” (2006 г., № 1).

В 10-м номере “Новой Польши” за 2008 год её защитники на всякий случай постарались откеститься от пана профессора, назвав его высказывания “одиозными” и посетовав, что “популярности ему в Польше явно не хватает”. Однако они умолчали, что Вечоркевич является одним из постоянных и любимых авторов журнала. Помнится, как в 2002 году в декабрьском номере “Новая Польша” поработала на его популярность и превознесла его заслуги перед исторической наукой и польской общественностью:

“Павел Вечоркевич – известный историк и советолог, профессор Института истории Варшавского университета. Специализируется в военной истории, истории России и СССР. Автор около 20 книг, среди которых “Сталин и советский генералитет в 1937–1941 годах” и “Дело Тухачевского”. Известен пользующимися успехом у читателей сборниками исторических эссе и участием в популярных теле- и радиопередачах. Более тридцати лет восстанавливал причинно-следственную связь одного из самых мрачных и трагических явле-

ний в советской истории – репрессий 30-х гг. прошлого века. Вышедшая в 2002 г. в польском издательстве “Ритм” книга “Цель смерти” описывает причины, ход и последствия чистки в Красной Армии в 1937–1939 гг.”

Вот такой есть у “Новой Польши” популярнейший автор, советолог высокого уровня. Один только у меня вопрос к Помяновскому: а что было бы с остатками польского еврейства, если бы Вторая мировая война закончилась по сценарию Вечоркевича “парадом победоносных польско-германских войск” в Москве? Что было бы лично с ним? И с его заместителями и со многими его авторами? И вообще, существовал бы после этого “парада” журнал “Новая Польша”, где ныне печатается польский неонацист пан Вечоркевич? Чего ж, пан Помяновский, Вам стесняться сегодня такого исторического светила, чьи труды и взгляды украшают страницы “Новой Польши”?

При такой неонацистской свободе мнений понятно восхищение, которое излучается со страниц Вашего журнала, рассказывающего, к примеру, о том, как польский писатель Мрожек, вернувшись из эмиграции в постсоциалистический Краков, вышел на улицу: **“А как эта улица называется? – спросил Мрожек. “Имени героев Сталинграда”, – ответили ему. “Как же, припоминаю, – невозмутимо протянул Мрожек. – Проспект имени Паулюса!”** (“НП”, № 7–8, 2005). Собеседник Мрожека восхищается желчным остроумием бывшего диссидента, вернувшегося в родной Краков, спасённый от разрушения солдатами маршала Конева, дошагавшими до древней польской столицы от руин Сталинграда.

И такого рода глумливые комментарии к нашей священной войне постоянно тиражируются в “Новой Польше”.

“53% респондентов считают, что масштаб советских преступлений против польского населения сравним с немецкими преступлениями” (“НП”, № 11, 2008).

(Ну что сказать – тогда мы должны были по масштабам сравниться с гитлеровцами, то есть уничтожить 6 миллионов польских граждан!)

“В миллионах экземпляров издавались стихи Сергея Михалкова о дяде Стёпе, – а это ведь фашистская литература” (“НП”, № 2, 2008).

“Для Центральной и Восточной Европы Ялтинский порядок означал почти 50 лет порабощения, лишения суверенитета и независимости” (“НП”, № 4, 2005).

На самом деле для Центральной и Восточной Европы “Ялтинский порядок” означил “зачистку” этих стран от фашистских режимов не только в самой Германии, но и в Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии, Хорватии, Австрии, Италии, Финляндии... Кому было под силу сокрушить эти гитлеровские государства-сателлиты? – Только “оккупационной” советской армии. А об освободителях, которыми командовал маршал Жуков, “Новая Польша” (№ 3, 2008) разглагольствует не иначе, как с кощунственным залихватским глумлением: **“Подвиги Генерала Жукова, который мостил победу трупами советских солдат в несколько накатов”**.

А теперь об уровне исторических и литературных изысканий, публикуемых в журнале “Новая Польша”.

Апологеты журнала балдеют от этого уровня: это издание, **“которое делается интеллигентами для интеллигентов”** (А. Ермонский); **“Меня не перестает восхищать исключительно высокий уровень ведения журнала”** (Л. Флейшман); **“Уникальный журнал “Новая Польша”** (А. Памятных).

Но поговорим о “высоком уровне” серьёзно, не захлёбываясь от восторга, а внимательно вглядываясь в тексты.

Вот какие открытия делает в обширной беседе, посвящённой нашей взаимной истории, один из постоянных авторов “Новой Польши” профессор Януш Тазбир.

“В Советском Союзе некоторые книги печатались тиражом 50–100 экземпляров и распространялись среди членов политбюро. Собственными глазами я видел такое издание моей любимой книги, своего рода памфлета на Французскую революцию, – “Боги жаждут” Анатоля Франса. Революция представлена там в таком свете, что выглядит постыдным, и она поражает слишком много ассоциаций с террором и постоянными торжествами, чтобы публиковать эту книгу большим тиражом. Лишь только после смерти Сталина эту книгу стали публиковать тиражом побольше” (“НП”, № 12, 2008).

Но к сведению знатока советской эпохи, профессора, историка-профессионала, не уступающего своими познаниями и научным авторитетом Вечоркевичу, роман Анатоля Франса “Боги жаждут” при жизни и правлении Сталина издавался в Советском Союзе (только в столичных издательствах!) 9 (девять!) раз: в 1919 году в издательстве “Наркомпрос”, в 1922 г. в Госиздате, в 1923 г. в “Красной нови”, в 1925 г. в изд. “Петроград”, в 1930 г. в изд. “Огонёк”, в 1936 г. в изд. “Жургаз”, в 1937 г. в изд. “Гудок”, в 1936 г. в изд. “Academia”, в 1938 г. в изд. “Земля и фабрика”. Общий тираж этих изданий, осуществлённых в сталинское время, — более двухсот тысяч экземпляров. Кроме этого были ещё два массовых издания — в 1957-м (“Правда”) и в 1974 г. (“Просвещение”) суммарным тиражом 180 тыс. экз. Но это уже в послесталинское время.

Пан Помяновский, хоча Вас спросить прямо ещё раз: где Вы находите для своего издания (“которое делается интеллигентами для интеллигентов”) таких “историков”? Глупцов или лжецов — это уж решайте сами.

А вот ещё пример. В октябрьском номере за 2008 год опубликованы воспоминания бывшей советской гражданки Клавдии Ротмановой, ныне живущей в Германии. В них, озаглавленных “Польские искры на фоне судьбы”, Ротманова заводит речь о польском восстании 1830–1831 годов и о его жестоком разгроме армией Николая Первого.

“Многие русские современники тех событий, — пишет Ротманова, — были в восторге в связи с победой русского оружия над повстанцами. Даже Александр Пушкин, “певец свободы”, ещё недавно — друг Адама Мицкевича, пишет своё знаменитое “Клеветникам России”. И вот он — водораздел!

Говорят, Вяземский ужаснулся этому стихотворению. Десять лет спустя, в 1841 году, молодой офицер Михаил Лермонтов ведёт свой диалог с Пушкиным:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.*

(“Родина”)

Странной Лермонтову кажется его любовь к Родине! Эту любовь должен бы победить рассудок поэта. Почему? Выделенное мною — не цитата из какого-нибудь льстивого газетного листка, это цитата из Пушкина, из “Клеветников России” (“НП”, № 10, 2008).

Мне уже надоело ловить за руку невежд и мошенников из “Новой Польши”, но придётся сделать это ещё раз, тем более что Пётр Мицнер и особенно сам пан Помяновский — знатоки русской поэзии, без конца цитирующие в своих статьях то Пушкина, то Высоцкого, то Ахматову, то Бродского. Надоело, но придётся.

Всё дело в том, что ни одного из семи слов (“ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой”), выделенных Ротмановой в лермонтовском стихотворении и объявленных одесситкой, ныне живущей в Германии, цитатой из “знаменитого” пушкинского стихотворения “Клеветникам России”, вы в этом пушкинском шедевре не найдёте. Разве что кроме слова “кровь”, которое встречается в очень важной пушкинской строке, как будто бы написанной в мае 1945 года: **“и русской кровью искупили Европы вольность, честь и мир”**.

В очередной раз в споре с “Нашим современником” “Новая Польша”, якобы противостоящая **“взаимному невежеству поляков и русских”** (из письма Андрея Ерманского), села в лужу.

Так что у нас невежество в данном случае не “взаимное” — “поляков и русских”, а одностороннее, только с польской стороны. А может быть, с еврейской — но Вам, пан Помяновский, виднее.

Беда заключается не только в том, что Ротманова “приписала” Лермонтову пушкинские слова, но и в том, что наши оппоненты из “Новой Польши”, желая отыскать у Лермонтова прямое несогласие с пушкинской одой, впадают

не только в текстуальное, но и историческое невежество, поскольку они, видимо, никогда не читали стихотворения Лермонтова, посвящённого разгрому польского бунта 1830 года. Так читайте же.

*Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять, шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.*

Я не буду цитировать полностью это лермонтовское стихотворение 1835 года, скажу только, что оно развивает все главные мысли пушкинского и направлено не столько против Польши, сколько, как и у Пушкина, против “объединённой Европы” той эпохи во главе с Францией, против “народных витий” – красноречивых болтунов из французского парламента.

Если Вы, пан Помяновский, прочитаете эту оду Лермонтова целиком, то вам придётся испить чашу литературоведческого позора, потому что ода кончается не только полным согласием с Пушкиным, но ещё к тому же убийственной строчкой: “бежал наёмный клеветник”. Может быть, в этом персонаже Вы узнаете себя, как главного редактора, чей журнал оклеветал Лермонтова?

Впрочем, Ротманова права лишь в одном: поэт Пётр Вяземский действительно назвал стихотворения “Бородинская годовщина” и “Клеветникам России” “шинельными одами”. Однако послушаем, что сказал о “шинельных одах” Пушкина другой, куда более глубокий, нежели П. Вяземский, философ и мыслитель пушкинской эпохи, о котором недавно “Новая Польша” писала как о выдающемся диссиденте 30-х годов XIX века. Его, объявленного общественным мнением николаевской России “сумасшедшим”, новопольские историки сравнили с диссидентами брежневского правления, попадавшими на лечение в советские психушки. Речь идёт о Петре Чаадаеве, ещё одном любимце польской шляхты: западник, чуть ли не католик, враг официального патриотизма – он тем не менее восхитился “шинельными” стихами Пушкина и написал ему 18 сентября 1831 года письмо, в котором были такие слова:

“Я только что увидел два ваших стихотворенья. Мой друг, никогда ещё вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы – национальный поэт; вы угадали, наконец, своё призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать... Я не знаю, понимаете ли Вы меня, как следует? Стихотворенья к врагам России в особенности изумительно; это я говорю Вам. В нём больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране <...> не все держатся здесь моего взгляда, это вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдём вперёд; когда угадал <...> малую часть той силы, которая нами движет, другой раз угадаешь её <...> наверное всю. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант...”

Так что остерегайтесь, пан Помяновский, в будущем расхваливать Чаадаева, Лермонтова, Солженицына, Пушкина. Их творчество не по зубам Вашим доморощенным историкам.

Да что там Пушкин – Ваши авторы буквально вчерашнюю историю Польши, на их глазах творившуюся, не знают!

Не соглашаясь со статьёй В. Щепоткина, астроном А. Памятных пишет:

“В начале статьи автором или редакцией приведена фотография современного Кракова, и в подписи отмечено его освобождение от фашистов войсками маршала Конева. И добавлено, что в “благодарность поляки недавно уничтожили памятник Коневу”. Это неправда. Памятник Коневу был демонтирован более 10 лет назад и по просьбе властей Кировской области передан России. Теперь он установлен в городе Кирове” (“НП”, № 10, 2008, стр. 80).

Но как унтер-офицерская вдова, которая сама себя сечёт, “Новая Польша” шестью годами раньше в 2002 г. (№ 7–8) признавалась: **“Можем ли мы,**

современные поляки, становиться в позу благодарных арбитров нравственности в отношениях между народами?

Члены краковского магистрата убрали из своего города памятник маршалу Коневу, который спас Краков от разрушения и до конца жизни был полонофилом” (перепечатка из “Газеты Выборча”, от 07.05.2002). **“Убрали”** – сказано мягко. Но куда более жёсткой и правдивой была оценка этой краковской истории в интервью Мечислава Раковского – последнего премьера Народной Польши и последнего первого секретаря Польской объединённой рабочей партии в его книге “Польский взгляд”, изданной в Польше:

“Символическим актом кретинизма было свержение памятника маршалу И. Коневу и демонстративная отправка его в металлолом. Памятника человеку, который спас Краков, древнюю польскую столицу!”

Так что если вятские земляки Конева и спасли его памятник, то лишь отыскав его в грудe металлолома.

А Раковскому спасибо за честные оценки своих земляков из того же интервью: **“Глупость является категорией постоянной у каждого народа, но у нас она к тому же прекрасно развивается”**; **“я в ироничном настроении говорю: “Поляки, мои земляки, считают, что являются избранным Богом народом, этими же евреями славянщины”**.

Думаю, что обе характеристики честного сына польского народа Мечислава Раковского (кстати, Черчилль и Пилсудский говорили о “глупости” шляхты почти в тех же выражениях) можно без колебаний отнести ко многим авторам и даже сотрудникам “Новой Польши”, возглавляемой Ежи Помяновским.

Однако почему с такой страстной неутомимостью злобствуют Помяновский и его журнал “Новая Польша”, когда заходит речь о “Нашем современномнике” и его главном редакторе? Полемика страсть Ежи, по моей догадке, есть некий его личный фрейдистский ответ на документальную повесть актрисы Маргариты Волиной, которую мы напечатали в десятом номере журнала за 2003 год. Волиной сейчас более 90 лет. Она до сих пор живёт в Москве.

В её повести “Бродячие артисты” о первых послевоенных годах в Москве действуют известные поэты А. Межиров и Я. Смеляков, чьи фамилии чуть-чуть изменены (Мережев, Смелков).

Однако Леонид Мартынов и Илья Эренбург изображены под своими фамилиями. Но главный герой повести – это молодой польский журналист Ежи Поляновский, который живёт в “Национале” и крутит роман с молодой и красивой Маргаритой Волиной...

Бес меня попутал, и я послал в Польшу пану Помяновскому этот номер, чтобы он вспомнил свою лихую молодость. Но, видимо, публикация напомнила профессору о таких обстоятельствах молодой его жизни, которые на старости лет хочется забыть. Между тридцатилетней актрисой и её, как бы сейчас сказали, “бойфрендом” были отнюдь не идиллические отношения. Они не только яростно спорили о политике: самое пикантное заключалось в том, что женщина с презрением и брезгливостью относилась к своему надоедливому другу – и как к лжецу, и, что особенно обидно, как к мужчине... Вот несколько отрывков из этой документальной повести.

“– Сталин и Гитлер разорвали Польшу... С обоюдного согласия... Когда вы не полная кретинка... вы должны понимать! Разорвали! А через два года Гитлер и вашу половину схапал!.. Забрали, хоть бы защитить смогли! И того нет!

Я ушла. И запретила Поляновскому показываться мне на глаза. Я ненавидела Ежика. Мне были противны его бледное лицо, усики, чёрные брови, тросточка, чаплиновская походка с вывернутыми носками... Нет, нет! Любой русский хам приятнее этого лощёного чужака, – думала я”.

“– Просто смех! – восклицала я. – Каждый спор у нас заканчивается Варшавским восстанием!

– Поляки не забудут сентябрь сорок четвёртого. И в каждом споре они вам будут напоминать о сентябре.

– Поляки, – сказала я, вложив в это слово предел иронии, – не забудут!.. Но ты-то тут при чём?

– Я поляк! – крикнул Ежик.

– Ты еврей, – сказала я.

Ежик расставил ноги, откинул голову. Вся его фигурка, от поднятых плеч до кончиков лакированных туфель, выражала крайнее недоумение.

– Будь добра... – с расстановкой произнёс он. – На каком основании ты...

– Больше ври, у меня будет меньше оснований!

– Моя мать – испанская еврейка, но мой отец – поляк!

– И твоя мать – еврейка, и отец – еврей, и ты сам еврей! И твой польский гонор смешон, если не сказать – жалок!

– На каком основании... – процедил он, – ты утверждаешь?..

– Надоело! – выдвинув ящик стола, я вынула паспорт Ежика. – Вот на каком! – Я открыла паспорт и прочла: “Ежи Самуилович Либерсон. Национальность: “еврей”. Это что?! Опечатка?

Ежик наклонил голову, круглая спина поднялась горбом.

– Ты давно взяла манеру лазать без спроса по чужим столам?

– Мне всё равно, еврей ты, поляк, негр. Но я знала, что ты врешь про отца, и я просила тебя: покажи паспорт. Ты всегда отлынивал. А сегодня утром, когда ты побежал за хлебом, я нашла твой паспорт и посмотрела. Криминал?

– Ты нацистка! – Ежик разглядывал свои туфли. – Все вы нацисты! Сначала вас оболгали, а потом превратили в нацистов.

– Конечно, только сначала мы от нацистов Европу освободили! Я тебе говорю: мне всё равно, еврей ты или негр!”

“– Я поляк не по паспорту, сударыня! Я поляк по воспитанию и сердцу! Я редактирую у вас в Союзе “Антологию польских поэтов”, а не еврейских. Я люблю Тувима и Слонимского, Мицкевича и Сенкевича больше, чем Галкина и Шолом-Алейхема!

– Твоя настоящая фамилия Либерсон! Поляновский – псевдоним. Зачем прячешься за псевдонимом?

Ежик обнял меня, прижался щекой к моему плечу.

– У меня комплекс неполноценности”.

Надо было бы почтенному польскому литератору прямо сказать: “Да, я узнал себя в этом журналисте. Тут не в Путине и не в “Новой Польше” дело. Мне просто надо поквитаться с главным редактором журнала “Наш современник”, опубликовавшим повесть моей бывшей русской любовницы, где я изображён лжецом, мошенником и мелким приспособленцем”.

Вот тогда всё было бы честно и понятно. Но смелости на такое признание у шляхтича явно не хватило...

* * *

О евреях по всему свету идёт слава как о представителях самой умной, самой избранной и самой пассионарной нации. Вот что о своём народе в разное время писали знаменитые евреи:

“Еврейство – аристократия: единый бог сотворил мир и правит им; все люди – его дети, но евреи – его любимцы” (Генрих Гейне).

“Только одна сверхнация есть цвет и цель человеческого рода: остальные были созданы, чтобы служить этой цели, чтобы служить лестницей, по которой можно было бы подняться на вершину” (Ахад Гаам).

“Евреи обладают большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уже о всех этих инертных азиатах или африканцах” (Макс Нордау).

Вот как отзывались великие умы еврейства о своём народе! А Вы, пан Помяновский, что делаете? Лживыми сплетнями, невежественным глумлением, политическими провокациями позорите репутацию избранного народа. Да какой же Вы после этого еврей? Вы недостойны этого звания. Говоря словами Макса Нордау, Вы всего-навсего “средний европеец”, то есть заурядное среднестатистическое существо. Лишь в таком случае, оправдывая суждения Раковского, Черчилля и Пилсудского о “польской глупости”, Вы можете печатать антинаучные “изыскания” всякого рода в своём журнале. Если Вы когда-то и были настоящим евреем, то, находясь многие годы в окружении своих профессор-историков Тазбира, Рымкевича, Мицнера, Вечоркевича, Горбаневской и многих других ясновельможных панов и панночек, изрядно растеряли все еврейские способности. Как говорится, с кем поведёшься, от того и наберёшься.

На обложке журнала Е. Помяновского есть такая информация: 1) “журнал “Новая Польша распространяется бесплатно”; 2) “допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 г.”

Значит, всё это было сделано в эпоху правления российской культурой Михаила Швыдкого. Швыдкой неглупый человек, но даже он не смог предугадать, что “Новая Польша” будет распространять среди российских читателей лживые и невежественные сведения о Пушкине, о Лермонтове, об Иване Грозном, о событиях Великой Отечественной войны, что она будет призывать Татарстан к выходу из России, что она будет разжигать пламя вражды между русскими и украинцами.

А чего стоит сравнение Владимира Путина со Сталиным! И до нынешнего молодого Президента России уже добрались клеветнические перья “Новой Польши”: **“Раньше были танки, теперь газ. Дмитрий Медведев (...) был президентом “Газпрома” и знает, как пользоваться этим оружием”** (“НП”, № 2, 2009).

Оставьте наших президентов в покое. Мы их выбирали, и нам отвечать за свой выбор. А вы лучше разбирайтесь в своих валенках, квасньневских и качиньских...

Конечно, распространение такого журнала по России недопустимо. Мы и так слишком долго терпели его и просим считать эту публикацию официальным обращением в “Россвязьохранкультуру” на предмет отмены регистрации “Новой Польши” в Российском Министерстве культуры. Читатели наши тоже могут выразить своё мнение на этот счёт письмами, отправленными по адресу: 109074, Москва, Китайгородский проезд, д. 7, строение 2, Россвязьохранкультура. А “Новую Польшу” пускай читают поляки.